

ТЕМНЫЕ ПРОРОЧЕСТВА

Виктор Ночкин

Виктор Ночкин
Темные пророчества (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

В этом сборнике пять повестей и рассказов фэнтези. Пять миров, пять историй, пять загадок.

Содержание

Ночь, дождь, город	4
Оракул	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктор Ночкин

Темные пророчества

Ночь, дождь, город

Клариссе было не по себе. Скорей всего, из-за дождя... А может, виноват Гвенлин? Кларисса нарочно убралась подальше от его логова, чтобы не видеть и не вспоминать. Гвенлин... Именно Гвенлин сделал ее такой, какова она нынче, подарил новую жизнь, избавил от прозябания в унылом родительском доме... и никогда не забывает напоминать об этом. Да... Подарил новую жизнь? Да жизнь ли?

Вот позавчера нагрянул... как обычно, веселый, улыбающийся, в щегольском наряде. Прикатил в собственной карете с глухими черными шторками на окнах. Следует отдать Гвенлину должное – он не боится путешествовать днем. Не боится нанимать кучера... Он много чего не боится... не то, что Кларисса, которая забила в темную нору и покидает дом лишь по ночам и не чаще, чем раз в неделю.

Дождь тогда уже лил всюду, поэтому Гвенлин покинул темное нутро кареты без опаски и, аккуратно переступая изящными башмачками через лужи и грязь, вошел в клариссин дом.

– Ты никак не приведешь жильё в порядок! – вместо приветствия.

Кларисса пожалела тощими плечами. Никак не приведет. Точно. Никогда. Повсюду пыль, под ногами груды хлама, мебель рассохлась, углы заплетены паутиной. И что с того? Она большую часть суток проводит в подвале... впрочем, и там не лучше – разве что пыли поменьше. Девушка прекрасно знает, что Гвенлин живет в чистеньком особняке, у него уютно и мебель новая, по последней моде.

– Кларочка, так нельзя! – без укоризны, наставительно, с прежней белозубой улыбочкой.

Отставил стройную ногу, правой рукой картинно оперся о спинку стула. Изящный кавалер. Именно таким он впервые явился перед ней... и сейчас хорош. А она – замухрышка в грязных лохмотьях. Тощая, бледная, волосы стянуты на затылке тряпочкой. Два года назад выглядела получше, но все равно – замухрышка. Золушка из сказки. А Гвенлин – прекрасный принц.

– Кларочка, ты же знаешь, что я питаю к тебе отцовские чувства... в некотором роде. Мне больно видеть, как ты губишь себя!

Что хуже всего – он, возможно, говорит совершенно искренне насчет отцовских чувств. Кажется, Гвенлин в самом деле пожалел деревенскую дурочку... тогда, два года назад. Ей было шестнадцать, отец, овдовев, женился на пышной блондинке, у которой была собственная дочь. И впрямь – история Золушки. Сводная сестрица, годом старше Клариссы, тоже пышная и тоже блондинка, пользовалась успехом, а угрюмая младшенькая... ну, Золушка, точно. Ей постоянно казалось, что отец больше не любит ее, что забыл маму... с этой визгливой толстухой. Должно быть, Кларисса с самого начала была груба с мачехой и сестрицей, чего же удивляться, если семья стала платить тем же... И тут возник Гвенлин – изящный, улыбчивый, остроумный... и главное, понимающий. Клариссу никто не понимал так, как этот милый кавалер. Он всегда появлялся лишь после заката – так романтично! Сперва Кларисса отнеслась настороженно к этому франту, не верилось, что столь симпатичный кавалер по-настоящему интересуется угрюмой девчонкой. Но Гвенлин терпеливо сносил ее колкости, улыбался неуклюжим остроумам... Кларисса привыкла, а когда он не являлся – тосковала. Часами высматривала, высовываясь из окошка едва ли не по пояс – не мелькнет ли внизу нарядный камзол?

Как-то постепенно получилось, что она не может обходиться без встреч со странным кавалером... Полуночные беседы стали настоящей жизнью, а днем Кларисса никого не желала видеть – угрюмая, бледная, не выспавшаяся. Девушка ненавидела домашних с их низкими делишками... То ли дело – Гвенлин. Он всегда говорил то, что нужно. То, что интересовало Клариссу по-настоящему. Он понимал.

Девушка не задумывалась, почему он улыбается лишь губами, не показывает зубов. С другой стороны, это тоже казалось утонченным и изящным. Сестрины ухажеры ржали, широко развевая пасти – фу, гадость. Только потом, когда знакомство стало близким, Кларисса поняла, что Гвенлин не хотел, чтобы она раньше времени видела его зубы. Зато теперь он улыбается, демонстрируя клыки.

– Кларочка, тебе следует изменить образ жизни. Изменить коренным образом! У тебя нездоровый вид. Нужно питаться регулярно.

– Ничего, сойдет... – Кларисса так и осталась угрюмым подростком, нравоучения ее раздражают.

Она охотится раз в неделю или еще реже. Ей хватает. Конечно, кожа сделалась сухой и шершавой, под глазами лиловые круги, Кларисса отоцала, выглядит отвратительно, Гвенлин прав.

– Ты полагаешь, что сумеешь продержаться дольше, если станешь привлекать к себе меньше внимания? Поверь, это ошибка. Не ты первая, кто так считал. Наш образ жизни сложился за века! Рано или поздно за тебя возьмутся, Кларочка. Ты должна перестать убивать.

– Ерунда, я беру лишь тех, кто не нужен общине – шваль, человеческий сор. И я одна, много ли нужно одной? Зато если появится целая толпа...

– Нет, малышка, это не поможет. Тебе следует создать собственный клан, не убивать каждого... Все так поступают. Кларочка, вспомни, как мы с тобой...

Да, она помнит. Ей отчаянно хотелось понимания, хотелось любви и близости... Об этом мечтают все девочки шестнадцати лет. И однажды она ушла с Гвенлином – ушла, чтоб никогда не вернуться. Ох, как она ошиблась!

– Я помню. Поэтому и не хочу, чтобы еще кто-то стал таким же, как я.

– Мы-то полагали, что ты перебралась сюда, чтобы основать собственную семью, а ты все одна и одна. Кларочка...

Два года назад ей нравилось, когда он звал ее «Кларочкой», теперь это имя ненавистно. Она мечтала о любви, о близости, а теперь обречена оставаться девственницей всю жизнь. Или это не жизнь? Трудно сказать. Зачем ей клан? Зачем ей вообще хоть кто-то? И от Гвенлина Кларисса ушла, чтобы никого не видеть. Он просил остаться, обещал то и это... ей ничего не нужно, Кларисса в состоянии позаботиться о себе!

И ушла, перебралась в этот город. Поселилась на отшибе, охотится раз в неделю, а то и реже. И непременно убивает. Если оставить «надкушенного» в живых, он станет таким, как она. Станет кровопийцей. Потом – еще и еще. Она превратится в главу семьи, все вампиры этого города станут подчиняться девчонке Клариссе, родоначальнице и метрессе. Основательнице колонии. Холодная расчетливая преданность. Никакой любви. Она обречена оставаться девственницей! Навеки – шестнадцатилетняя замухрышка. Проклятый Гвенлин, так обмануть деревенскую дурочку!

Природа рациональна – и потому организм вампира лишен половой функции, эта порода размножается другим способом. Они бывшие женщины и бывшие мужчины.

– Кларочка, послушай меня, никогда не поздно начать заново. Наведи здесь порядок, обзаведись семьей. Питайся регулярно, следи за собой. Поверь, я о тебе забочусь... Кстати, через месяц бал, ты не забыла? Бал и выборы.

О ней он заботится, как же. Рассчитывает, что вновь созданный клан Клариссы станет подчиняться ему и голосовать, за кого укажет Гвенлин. А может, он сам метит в совет?

Почему бы и нет. Надеется, что шестнадцатилетняя дурочка будет по-прежнему во всем покорна сказочному принцу.

Гвенлин уехал, а Кларисса потеряла покой. Она даже вышла днем под дождь, а ведь прежде покидала убежище только после заката. Из-за непогоды улицы обезлюдели, и девушка бродила одна... не охотилась, а так... вспоминала. Кларисса проголодалась, но она уже научилась сдерживаться, она умела обуздать голод. Охотиться – только ночью. Зато ночью она никого не настигла на мокрых улицах. Проклятый дождь! Проклятый Гвенлин! Все против нее!

Нынче она тоже выбралась до заката. Тучи, затянувшие небо, позволили бродить без опаски. Кларисса снова увидела красивого мужчину. Статный, подвижный – хорош даже под дождем, укутанный в тяжелый плащ. Он иногда появлялся в городе по ночам, на него приятно было смотреть, Кларисса даже начал считать этого парня кем-то сродни себе... Однажды она видела, как он оглушил здоровенного бородатого толстяка, затащил в подворотню... При виде крови, которая сочилась из разбитой головы бородача, Кларисса едва сдержалась и поскорей сбежала. Она никогда не нападала на тех, кто одет богато, чтобы не навлечь гнев сильных мира сего. Если убивать отребье, то, возможно, Клариссе удастся продержаться достаточно долго. Зачем? Просто продержаться, без цели. За неимением иных перспектив – просуществовать как можно дольше.

И вот сегодня – снова этот красавец. Кларисса с удовольствием отметила, что парень чувствует ее близость. Он будто ощутил взгляд вампира, огляделся, нырнул в переулок... Ловкий, осторожный! Точь-в-точь, как она! Кларисса отступила в тень и тяжело вздохнула. Если бы она могла любить, непременно влюбилась бы в этого парня. Но – увы!

Кларисса, тяжело вздохнув, отбросила тяжелые мокрые пряди со лба и поплелась в ночь. Как-то беспокойно ей нынче. Возможно, виной тому приезд Гвенлина. А может, затянувшийся дождь, из-за которого невозможно отыскать добычу... или эта встреча с красавчиком. А что, если укусить его? Нет, бесполезно. Ей суждено остаться девственницей...

* * *

Кеннет ничего не имел против дождя. Напротив, дождь частенько мог оказаться полезным. В непогоду на улицах меньше прохожих, стало быть – меньше свидетелей. Дождь смывает кровь, значит, трудней отыскать следы... К тому же все натягивают капюшоны, кутаются в плащи, становятся похожими. С какой стороны ни гляди, способствует...

Однако в этот раз зарядило основательно, льет третий день. Когда такая слякоть начинается летом – это чересчур похоже на знамение. Будто небеса шлют недобрый знак. Все стало нервными, раздражительными, встречные косятся... Впрочем, сейчас Кеннет брел по пустынным мокрым улицам и никого не замечал. Непогода разогнала горожан по домам. Наверняка и в «Треснутой кружке» будет не слишком людно. «Треснутую кружку» Кеннет не любил. Заведение для богатых, которым охота поиграть. Важные господа любят заглянуть в трактир, отведать простой пищи, поглядеть на простой народ... Потрепаться о простых делах...

К демонам! В «Треснутой кружке» не бывает простого народа, ученики ремесленников, грузчики и подмастерья выбирают заведения на окраинах, куда не заглядывает стража. Там дешевое пиво и привычные развлечения. Там беднякам привычно и вольготно. А если что не по нутру, если вдруг стало не вольготно, если не нравится кто – и в рыло можно дать.

А «Треснутая кружка» только подражает по-настоящему веселым местечкам. Здесь другие люди, другие порядки, только случись что – и стража тут, как тут. Цены, кстати, тоже не такие, как на окраине.

Жратва, разумеется, здесь получше... и, покупая пирог в «Треснутой кружке», всегда можно наверняка узнать, что за мясо пошло на начинку. Здесь крысятиной не накормят. Однако Кеннету этот трактир не по душе. Кеннет не привередлив, и всегда при деньгах, однако предпочитает другие заведения. Если бы не работа – не пошел бы в «Треснутую кружку». Но ничего не поделаешь, – заказчики, все как один, уверены, что именно здесь приятно встречаться с подозрительными типами, вроде Кеннета. Что ж, наемник не против, пусть думают, что угодно.

Кеннет замедлил шаги – странное мимолетное ощущение, будто кто-то глядит в спину из сырой темноты. Ничего определенного... но наемник привык доверять предчувствиям. Что касается предстоящего дельца, сомнения зародились у Кеннета сразу же, едва была названа сумма. Многовато... Но посулили треть авансом, да и человек, который сосватал заказ, был Кеннету давно знаком...

Наемник зашагал медленней, вслушиваясь в шепот капель. Свернул в переулок и отступил в нишу. Снова прислушался – ничего. Похоже, показалось. Иногда шум дождевой воды может сыграть странную шутку со слухом. Кеннет пожал плечами – по плащу скатились струйки. Время в запасе имеется – наемник, прежде чем зайти в «Треснутую кружку», сделал круг, обошел окрестные улицы. Никого и ничего, горожане сидят по домам и ставни заперли. Тем удивительней показалось Кеннету, когда, завершая обход, он заметил незнакомца, бредущего под холодными редкими каплями. Человек плелся, покачиваясь, медленно переставляя ноги, словно наугад. Мокрая ткань облепила сутулую фигуру, и при каждом шаге с промокшей насквозь одежды незнакомца обильно падали капли.

Куда может тащиться этот бедолага поздним вечером в непогоду? Оказалось, в «Треснутую кружку». Когда незнакомец открыл дверь, и на него упал свет горящих в трактире ламп, Кеннет разглядел, что человек одет в лохмотья, сквозь прорехи на мокрую мостовую просочились лучи. Совсем странно. Нищему здешняя жратва не по карману. Интересно было бы поглядеть на его рожу, когда назовут цену. «Треснутая кружка» Кеннету не нравилась еще и потому, что хозяином там был неприятный грубый малый. С наемником-то этот хам не позволял себе лишнего, но Кеннет не раз замечал, как он оскорбляет и унижает тех, кто выглядит не столь внушительно, как рослый плечистый Кеннет. Особенно таких, как нынешний гость – в дрянном дырявом плаще с оборванным краем, висящим неровной бахромой.

Кеннет ускорил шаги и скользнул в дверь следом за чужаком. Тот, неуверенно озираясь, двинулся по пустому залу к стойке, а наемник сел за стол у двери. Немногочисленные гости – а их было в «Треснутой кружке» семеро – провожали взглядами оборванца. Кеннет убедился, что на него не смотрят, и переместился за соседний столик, снова у стены, в тени. Большой нужды в таком поведении не было, он таился по привычке.

Когда незнакомец в рваном плаще приблизился к стойке, Кеннет уже сидел в углу, откинувшись на спинку стула, будто бы уже давно здесь расположился. Мокрый плащ истекал дождевой водой подле наемника... Теперь можно расслабиться, до условленного часа есть время.

Человек в рваной накидке встал перед хозяином трактира, стянул капюшон. Чужеземец – смуглый, волосы черные, густые, выются прядями, блестят в огнях свечей. Кеннет приготовился глядеть спектакль – сейчас угрюмый бородач, владелец «Треснутой кружки», станет куражиться над бедным чужестранцем. Хотя, возможно, жена заступится. Супруга хозяина – добрая женщина, обычно она на кухне, приглядывает за поварятами, но нынче стряпни мало, и толстуха сидит рядом с мужем – синий чепец торчит над стойкой.

Тот пробормотал едва слышно длинную фразу – Кеннет не разобрал ни слова. Трактирщик раздвинул толстые губы в недоброй ухмылке и хмыкнул. Смуглый добавил несколько слов. Звякнула о полированное дерево стойки монета...

– Молоко хлебать – негоже настоящему мужчине, – пробасил трактирщик. – Не изволит ли ваша милость винца отведать?

Странно, нынче грубиян попытался придать голосу любезные нотки.

– Ну что ты, дорогуша, – сипло возразила хозяйка, – если господину с дороги угодно молочка, я тотчас же подам!

– Так я ж ничего...

Кеннет чуть не поперхнулся вдохом – никогда прежде бородач не бывал вежлив с типами, одетыми как этот южанин. Что с ним? Неужто дождь и в самом деле оказался знамением? Чудеса уже начались!

* * *

Айлу-Фатар очень устал. Второй год длится странствие, и конца не видно. Проклятый чужеземец, укравший бога, не сидит на месте, едва Айлу-Фатару кажется, что вот-вот настигнет обманщика, тот снова пускается в путь... следуя за ним, Айлу-Фатар забредает все дальше на север. Здесь плохо, короткое лето, здесь холодно. Здесь едят нечистую пищу, нравы грубы, а люди, все как один, сердиты.

Айлу-Фатар всегда считался удачливым охотником, но нынче везение изменило ему. Это оттого, что похищен бог-покровитель Лахас. Дома, в родной деревне, наверное, совсем худо, шаман Рам-Тайфад и кузнец Ходон трудятся, не покладая рук, чтобы защитить земляков, но что могут люди, если похищен бог? Они ждут возвращения Айлу-Фатара. Айлу-Фатар старается изо всех сил, исхудал, стал бледен, ходит в чужой одежде, а привычная пища снится каждую ночь... Он вернет Лахаса на родину, но как же он устал!.. А возвращаться с пустыми руками нельзя.

Шаман Рам-Тайфад так и сказал:

– Бога непременно следует вернуть, без него нам – гибель! Кайды заберут всех, одного за другим... Пусть Айлу-Фатар отправляется следом за этими негодными людьми, и возвратит Лахаса! Айлу-Фатар удачлив в охоте, он знает язык северных людей.

И весь народ глядел на Айлу-Фатара, все просили охотника вернуть бога. Тогда он поклялся, что не повернет вспять, пока не завладеет Лахасом. Да и кто же, если не он? Айлу-Фатар – лучший охотник, лучше всех владеет оружием, к тому же он знает северные наречия, частенько нанимался в спутники каравана. Но когда бог похищен – все идет не так, вот удача и отвернулась. Чужеземец, похитивший Лахаса, спешил на север, Айлу-Фатар двигался следом и, хотя расстояние между ним и преследуемым поначалу росло, охотник не сомневался – рано или поздно он настигнет злодея. Сейчас северянин спешит в свою страну, к тому же он не может не догадываться о погоне... но когда он достигнет родных краев, станет не так скор. Рано или поздно он почувствует себя в безопасности, тогда-то Айлу-Фатар и объявится в его доме!

Однако преследование продолжается второй год... кажется, у хитрого похитителя вовсе нет собственного дома. На ночлег он обычно останавливается в странных сооружениях, напоминающих крепости, там живет множество мужчин, наряженных в одинаковые одежды, будто они воины или слуги великого владыки. Иногда похититель поспешно отправляется в путь – и всякий раз в другой город. Пока Айлу-Фатар отыскивает след, подлый вор снова забивается в крепость мужчин, и там его не взять...

Айлу-Фатар устал, ему холодно, здешний климат не подходит охотнику. Скорей бы настигнуть негодяя, отобрать у него Лахаса и возвратиться домой. Домой... Второй год Айлу-Фатар не видит родных. Как там они? А что, если всех забрали кайды?.. Но с помощью бога удастся вернуть всех. Домой... там тепло, там славно... Мысль о теплом юге напомнила охотнику о том, как он продрог и проголодался. Налетел порыв ветра, сорвал с карниза

вереницу холодных капель, швырнул в лицо. Охотник провел мокрой рукой по лицу, стряхивая пропахшую ржавчиной воду, и огляделся – перед ним был дом, где кормят за деньги.

Айлу-Фатар ни за что не стал бы заходить в заведение, вроде этого. Здесь всегда подают нечистую пищу, да и норовят обидеть ни за что... Но охотнику нужно было обогреться и подкрепиться. Монеты у него были. Вчера Айлу-Фатар выследил на дороге толстого человека, который вез товары в фургоне, и подстрелил колочкой сонной акации. Нехороший поступок, но уж очень деньги были нужны. Теперь у Айлу-Фатара много металлических кругляшей – и черных, из меди, и серебряных. Еще у толстого человека было три маленьких, блестящих. Эти, должно быть, наименее ценные, хотя и выглядят красиво. Южанин так и не научился разбираться в деньгах, давал всегда наугад...

Войдя в дом, где кормят за деньги, Айлу-Фатар огляделся. Стойка в дальнем от входа углу, за ней двое, мужчина и женщина. Оба – толстые, важные. Позади них приоткрыта дверь, там кухня, оттуда тянет пряным ароматом жареного со специями мяса. Неизвестно, что за плоть подают в этом доме. Вполне возможно, нечистую, запретную. Айлу-Фатар и так много нагрешил – да вот вчера ограбил толстого возницу! Не нужно усугублять вину перед Лахасом новым грехом. Так что мяса он не станет покупать.

Охотник подошел к стойке и попросил:

– Моя кушать, моя очень холодно-голодно. Млека нам...

Толстый бородатый хозяин поглядел так сердито, что Айлу-Фатар на всякий случай поспешил положить перед толстяком блестящую монетку. Вряд ли молоко стоит дорого.

– Млека теплого, брюхо помалу греть...

Должно быть, красивый блеск умиротворил хозяина, так что тот раздвинул толстые губы в притворной улыбочке:

– Молоко хлебать – негоже настоящему мужчине, – пробасил трактирщик. – Не изволит ли ваша милость винца отведать?

К счастью, жена толстяка оказалась сообразительней, быстро сгребла денежку со стойки, пообещала молока и, тряся телесами, удалилась на кухню. Хорошая женщина, красивая... Когда идет, жир на спине волнами перекачивается вправо и влево при каждом шаге. Когда Айлу-Фатар возвратится домой, сразу женится и станет супругу хорошо кормить, чтобы такой красивой сделалась. В деревне Айлу-Фатара девушки тощие, высушенные жарким солнцем, костлявые, будто кайды... Долго жену кормить придется, много охотиться, но чего не сделаешь ради красоты!

Охотник отошел от стойки и сел за стол. Хорошо бы снять промокший плащ, но Айлу-Фатар боялся, что над нижней одеждой северяне снова станут смеяться. И без того все в его сторону пялятся. Особенно вон тот, худой, вертлявый. Да и рослый парень, который вошел следом – тоже косится, хотя и прилично, украдкой. Подошла хозяйка, улыбнулась ласково, поставила перед южанином большую кружку – хорошее молоко, жирное, не стала водой разводить добрая женщина. Еще толстуха высыпала на стол грудку разноцветных монет – сдача с маленькой блестящей деньгами. Ох, как много-то! Оказывается, светленькая монетка дорого стоит – перед Айлу-Фатаром и меди, и серебра гора! Вот, значит, как...

– Моя благодарить. Хороший хозяйка, – склонил голову охотник.

Потом сгреб монеты в горсть и упрятал под одежду – вертлявый мужчина за соседним столом проводил исчезающие деньги взглядом, Айлу-Фатар заметил! Ох, какие люди здесь... Охотник покачал головой.

– Если что вашей милости угодно, только скажите, я мигом! – пообещала хозяйка и поплыла к мужу.

Айлу-Фатар с удовольствием полюбовался походкой толстухи и осторожно отхлебнул молока. Ай, хорошо... Охотник сделал еще несколько глотков – холод отпускал медленно, тепло разливалось в животе. Тут южанин почувствовал – на поясе ожил кинжал. Ору-

жие, намоленное шаманом Рам-Тайфадом, чуяло приближение Лахаса! Наконец-то повезло! Чужеземец, похитивший бога, здесь, совсем рядом. Значит, не получится отдохнуть в тепле, не удастся нынче Айлу-Фатару насладиться теплым молоком... Ничего, если посчастливится отнять бога у негодного вора – охотник уже через месяц будет греться под южным солнышком в родной деревне и рассказывать удивленным землякам о странствиях по печальным северным краям. Он будет говорить медленно, неторопливо, прихлебывая теплое молоко... и разглядывая девушек. На лучшей он, отважный герой, вернувший бога, потом женится и станет кормить...

Айлу-Фатар тряхнул головой, прогоняя сладкое наваждение, допил молоко, встал, запахнулся в тяжелый мокрый плащ и двинулся к выходу. Едва дверь за южанином захлопнулась, тощий типчик – тот, который жадно разглядывал монеты в руках толстухи – подскочил и устремился следом.

* * *

Джейк всегда был невезучим. Да вдобавок – некрасивым, болезненным, слабым. Ходячее вместилище уродства и порока. Сколько Джейк себя помнил, он был один. Один – против всего мира. Ни родителей, ни дома. С малолетства прислуживал в трактире, вечно мерз и голодал – и постоянно бывал бит, когда пытался воровать. Тощего некрасивого мальчишку не жалели, всякий мог сорвать на нем злость и раздражение... Джейк платил миру нелюбовью. Из трактира он сбежал, овладев двумя премудростями. Во-первых, он научился воровать и лгать с непроницаемым лицом. Во-вторых – ловко увертывался и прикрывал голову, когда его били. Последнее далось непросто – маленького Джейка частенько колотили и, похоже, что-то повредили внутри. У него постоянно побаливало то тут, то там, особенно в непогоду. Зато он мало ел и почти не пил хмельного.

Низкорослый, тощий, но с отвисшим мягким животиком, воришка напоминал паука. Словно паук он замирал посреди сети липких косых взглядов, которыми опутывал любое место, куда бы ни попал... По-настоящему в этом хилом теле жили лишь руки да глаза. Из-за дождя, не прекращавшегося третий день, у Джейка ныли суставы. К тому же в непогоду трудней сыскать пропитание, прохожих мало, толпы не собираются – а поди-ка вытяни кошель у одиночки! Деньги вышли, пришлось экономить... Из-за дрянной дешевой пищи у Джейка разболелся желудок – вдобавок к суставам... Один против всего мира – и, похоже, нынче он проигрывает очередное сражение!

Джейк ненавидел этот дождь, этот город и эту ночь... Единственное местечко, где могла бы улыбнуться удача – «Треснутая кружка», здесь и в дождь собираются люди, подле которых можно пожить...

Воришка уже второй час нянчил единственную кружку пива, распуская вокруг паутину быстрых внимательных взглядов. Все напрасно! Ни один из посетителей трактира не походил на добычу паука Джейка... И вдруг – о чудо! Иноземец! Тощий, запуганный, в оборванном плаще. А под мокрыми лохмотьями – денежки. Джейк видел, как толстуха вручила этому парню горсть мелких монет, этакая сдача выходит разве что с золотого! Смуглый южанин показался Джейку прекрасным подарком судьбы. Словно сказочная фея – какие, говорят, наблюдают за всяким человеком – вспомнила о несчастном страдающем Джейке, решила наконец-то взяться за дело, да и привела в «Треснутую кружку» набитого серебром и золотом чужестранца.

Воришка аккуратно допил последний глоток и покинул заведение следом за южанином. Снаружи, конечно, было совсем темно, но Джейк разглядел сутулую спину чужака – тот медленно, но целеустремленно удалялся от трактира. Прикинув, куда держит путь южанин, Джейк заспешил в переулочек. Предстояло обогнать иностранца, чтобы столкнуться с ним на

перекрестке, выполнить работу и скрыться. Если все пройдет, как надо, Джейк сможет переждать непогоду в тепле, денег будет вдоволь.

Проваливаясь в лужи, скользя на мокром булыжнике, воришка свернул на параллельную улицу и припустил бегом. По пути он на всякий случай осторожно выглянул из подворотни – чужеземец все так же мерно шагал сквозь дождь, направляясь к центральной площади. Джейк снова побежал. За два квартала до площади он свернул и остановился, переводя дыхание. Сквозь мерный шум дождя уже слышались шаги незнакомца. Когда плеск воды под башмаками южанина приблизился, Джейк устремился навстречу. Едва не столкнулся с чужеземцем, поскользнулся на мокром булыжнике и, чтобы удержаться на ногах, вцепился в лохмотья незнакомца. Ладонь ловко скользнула под мокрую ткань – туда, где позвякивали монеты...

– Прощения прошу... ой!

Джейк так и не сообразил, что произошло. Он еще успел почувствовать боль – палец наткнулся на острое... а потом стало темно. И тихо. Джейк не слышал дождя, не чувствовал, что сползает в холодную лужу... Южанин аккуратно отцепил левую руку воришки от полы драного плаща, пробормотал что-то по-своему... но Джейк не смог бы разобрать слов, даже если бы знал язык Айлу-Фатара. Он уже ничего не слышал.

* * *

Айлу-Фатар удивился, что не слышал шагов незнакомца, свалившегося навстречу из мокрой темноты. Как можно охотнику быть таким беспечным? Должно быть, он слишком торопился, повинуюсь зову. Кинжал, спрятанный под лохмотьями, трепетал и звал спешить – чувял, что похищенный Лахас близко. И впрямь, бог Айлу-Фатара совсем рядом и даже сумел уберечь беспечного почитателя. Южанин перевернул бесчувственное тело и с удивлением узнал того самого мерзкого человека, что пил за соседним столом в «Треснутой кружке». Выходит, этот покинул дом, где кормят, вслед за Айлу-Фатаром и поспешил, чтобы устроить засаду?

Но бог защитил – не иначе, волей Лахаса коварный человек наткнулся на колючку сонной акации, спрятанную под плащом, и погружен теперь в беспометство!

Айлу-Фатар оттащил бесчувственного Джейка с середины улицы и усадил спиной к стене. Потом быстро вознес благодарность Лахасу – великий бог рядом, ему хорошо слышно, как благодарит верный Айлу-Фатар. Южанин снова опустил ладонь на рукоять кинжала – металл нагрелся и заметно трепетал. Сильно намолил оружие шаман Рам-Тайфад! Сколько лун минуло, а кинжал по-прежнему чувствителен.

Охотник поправил плащ на безмолвном Джейке – хоть и скверный человек, но все же не годится ему мокнуть, если есть плащ... Потом Айлу-Фатар двинулся в дождь, повинуюсь настойчивому зову кинжала.

Через два квартала южанин вышел к площади. По ту сторону открытого пространства высился большущий дом с широкими окнами. На втором этаже между неплотно пригнанных ставней пробивались узкие полосы света, будто размытые редким дождиком. В доме не спят – и кинжал зовет туда. Айлу-Фатар не решился пересечь площадь и двинулся вокруг, держась поближе к зданиям, окружающим площадь. Охотник то и дело бросал взгляд на скупое освещенный фасад большого дома – не покажется ли похититель? И верно, когда Айлу-Фатар уже завершал обход, из чрева здания в ночь упал яркий свет. Распахнулась дверь. Южанин приложил растопыренную ладонь к груди, так сердце заколотилось – среди людей, выходящих на площадь, он узнал приземистую фигуру обманщика, который унес Лахаса из деревни. Долгий путь Айлу-Фатара близится к завершению.

Охотник пересек последнюю улицу, отделявшую от большого дома, и затаился, прижимаясь к влажному камню стены. В прямоугольнике света он различал четыре фигуры – две высокие и широкие, а две поменьше. Самая короткая – похититель.

– Итак, я надеюсь на вас, отче, – важно произнес один из крупных мужчин.

– Не извольте сомневаться, ваша светлость, – самодовольно откликнулся коротышка, укравший Лахаса, – не впервой. Все сделаем быстро. Нам не привыкать! Обезвредим, скрутим и доставим сюда, в ратушу. Посидит в подвальчике, а как тучи разойдутся, так и костерчик на площади соорудим. Прилюдно, значит, чтобы страх в народе унялся, чтобы все видели. Только погодки бы подходящей дожждаться, чтоб городские на площадь пришли.

– Хорошо, – кивнул тот, которого назвали светлостью. – И когда же вы собираетесь выйти на охоту?

– В полночь, ваша светлость! Самое времечко для всякой нечистой силы. В полночь и пойдем.

Айлу-Фатар слышал в голосе обманщика подобострастные нотки, но похититель знал себе цену и заискивал не чересчур. Еще бы – у него в кармане Лахас! Человек с богом в кармане – большой человек!

– Хорошо, – повторил важный господин, – надеюсь, завтра мне доложат о том, что вы вернулись с добычей. Желаю успеха!

Потом большой человек повернулся и, не слушая благодарностей и уверений в почтении, изливаемым вслед похитителем бога, зашагал прочь. Айлу-Фатар вжался в стену и постарался слиться с камнем. Трое прошли мимо – впереди мужчина среднего роста, за ним – двое рослых. За углом хлопнула дверь, коротышка возвратился в здание. Значит, в полночь он отправится на охоту? Айлу-Фатар сжал дрожащую от близости Лахаса рукоять оружия. Терпение, терпение! В полночь, сказал коротышка. Стало быть, и Айлу-Фатар тоже начнет охоту в полночь. Ветер донес слова, произнесенные низкорослым пешеходом:

– ...В «Треснутой кружке», ваша светлость...

* * *

Троица вошла в трактир – первым тот, что пониже ростом, потом двое крупных мужчин. Невысокий разглядел в углу Кеннета и двинулся к наемнику. Спутники шли следом. Кеннет молча наблюдал за пришельцами. Первый остановился перед столом и поздоровался.

– Здравствуй, Лайош, – кивнул Кеннет, – это и есть обещанные клиенты? Обычно мои услуги требуются парням помельче, а они выглядят так, будто и сами все умеют.

Рослые спутники Лайоша в самом деле казались хорошими бойцами, особенно тот, что шел последним. Под мокрыми плащами Кеннет разглядел длинные кинжалы. Наемник жестом предложил гостям присаживаться. Тут же рядом возник хозяин.

– Вина, – бросил рослый пришелец, – подогретого, со специями. Проклятый дождь...

– Сей момент, – толстый хозяин с поклоном испарился.

– А нас здесь не отравят? – поинтересовался рослый. – Лайош, здесь не опасно пить?

– Я пью, – заметил Кеннет.

Ожидая Лайоша с клиентами, он успел сделать заказ.

– Ты можешь пить что угодно, – махнул рукой Лайош, – тебя не берет!

Потом обернулся к спутникам:

– Представьте себе, ваша светлость, Кеннета не берет отравы! Удивительное свойство! И вообще, он лучший в наших краях. Вот увидите, справится отлично.

– Ваша светлость? – приподнял бровь Кеннет.

– Не нужно было называть титулов, – буркнул пришелец. – Может, перейдем к делу?

– Пусть сперва доставят ваш заказ, – предложил Кеннет, – потом поговорим без помех.

Он узнал заказчика – герцог Джерем, племянник короля. Важная персона! Второй – должно быть, телохранитель. Огромный, молчаливый, движется медленно и плавно. Кеннет чувствовал в этом рослом парне ловкость и силу. Наверняка он умеет быть стремительным, когда требуется.

Появился хозяин, поставил посреди стола новомодный прибор – кувшинчик, подвешенный над свечой. Герцог покосился на спутника, молчаливый здоровяк вручил хозяину пару монет.

– Фруктов? Сдобы? Сыру? – предложил бородач. – Ничего?.. Не смею мешать, мой господа!

Дождавшись, чтобы мрачный трактирщик с его поклонами и приторными гримасами откатился к стойке, герцог начал:

– Итак, о деле. Мне требуется добыть некую вещицу.

Молчаливый расставил оловянные стаканы, украшенные затейливым орнаментом и налил – сперва господину, затем себе. О Лайоше он не думал, но посредник подавил вздох и сделал вид, будто не рассчитывал на угощение. Герцог сделал несколько глотков и продолжил:

– Вещица – кинжал темного металла. Вероятно, бронза. Лезвие треугольное, в ладонь длиной. Обоюдоострый. Рукоять в форме человеческой фигуры, лысый человек с руками, сложенными на причинном месте. Плачу сто талеров. Тридцать вперед, остальные – в обмен на вещь.

– Старинная штучка? – осведомился Кеннет.

– Да, древняя. Тем и ценна. Больше ничего примечательного в кинжале нет.

– Думаю, что-то в кинжале есть помимо древности, если вы сулите сто талеров, – заметил Кеннет, – но это не мое дело... если, конечно...

– Если что?

– Если таинственные свойства этого кинжала не чреваты дополнительными трудностями. Где искать вещь?

– Искать не нужно, он в городе. Сегодня приехал отец Вешильд, знаменитый охотник на вампиров. Слышал о таком?

Кеннет кивнул. В самом деле, в городе пару лет назад завелся упырь. Время от времени на улицах находили обескровленные тела... Вампир не слишком наглед, нападал редко и жертвами его становилось всякое отребье – воры, попрошайки, бездомные нищие. Тем не менее, присутствие в городе опасного существа тревожило жителей.

– Вешильда пригласил ваш магистрат – по моему совету. Кинжал у него. Вешильд утверждает, что эта вещица – реликвия святого Локорна, но мне доподлинно известно, что он лжет. Кинжал не имеет к Локорну отношения. Нынче в полночь Вешильд выходит на охоту. Дело складывается как нельзя лучше – ночь, дождь, на улицах никого... и все можно списать на вампира. Вы меня понимаете, мастер Кеннет?

– Понимаю. Я слышал, этот Вешильд охотится с помощниками. Опытные парни, привычные сражаться с нечистью. Это может оказаться опасным.

Герцог хмыкнул. Телохранитель искоса поглядел на господина, но смолчал. Вообще-то, он был согласен с наемником. Закономерный вопрос.

– Кеннет, тебе платят сотню, – напомнил Лайош. Посредник был заинтересован в этой сделке, ему полагалась доля.

– Хорошо, – кивнул наемник. – Пусть так. Где я вас найду, мой господин?

– Здесь, в «Треснутой кружке». Я буду ждать хоть до утра.

– Вино сносное, – впервые подал голос молчаливый телохранитель. – Можно ждать.

Здоровяк потянулся за кувшином, при этом движении плащ распахнулся, показалась кольчуга вороненой стали.

– Хорошо, – Кеннет кивнул.

Герцог положил на стол кожаный кошелек:

– Тридцать.

Наемник поставил стакан, подобрал кошелек и под столом пересчитал монеты. Потом – так же, под столом – протянул Лайошу его долю, пять талеров.

– Ну, мне пора – посредник встал и поклонился герцогу. – Доброй ночи, господа мои.

Кеннет задал нанимателю несколько вопросов – сколько человек с Вешильдом, что известно о его способах охоты. Зачем герцогу старый кинжал, наемник, разумеется, не стал спрашивать. К демонам! Одна из заповедей профессии – не интересоваться делами клиента. Реликвия святого Локорна... это могло оказаться занятным, и Кеннет решил, что если представится случай, он разузнает о ножичке побольше.

Наконец наемник решил, что ему пора отправляться. Он допил вино, встал и отвесил поклон:

– Я не прощаюсь.

Герцог ответил кивком и протянул телохранителю стакан. С такими темпами эти двое усидят за ночь три таких кувшина, а то и четыре! Кеннет подумал, что нынче у владельца «Треснутой кружки» удачный вечер...

Снаружи было холодно и сыро – будто и не лето вовсе... Дождь стал тише, ветер унялся, редкие холодные капли медленно сеялись с бездонного черного небосвода.

Наемник дошел до площади и остановился так, чтобы наблюдать за входом в ратушу. Невидимые в темноте часы гулко пробили полночь. Распахнулась дверь, на мокрую мостовую упал яркий свет. Кеннет сосчитал выходящих – четверо. Отец Вешильд с тремя помощниками, как и описал герцог. Вешильд шагал налегке, его спутники волокли какую-то снасть. Кеннет не разобрал, что именно у них в руках, да наемника это не слишком интересовало. Он привык обходиться простыми средствами.

Четверка охотников пересекла площадь, Кеннет отступил в подворотню и затаился в тени. Потом осторожно двинулся следом. Наверное, напасть лучше всего, когда Вешильд с подручными обезвредит вампира. Теперь-то они настороже, а после удачного завершения дельца расслабятся. Поэтому сейчас Кеннет держался на порядочном расстоянии от четверки.

– Эй, что это у нас здесь? – довольно громко осведомился охотник на вампиров.

Охотники остановились, разглядывая человека, сидящего под стеной. Кеннет отступил в тень и прислушался.

– Похоже, пьяный заснул, отче, – отозвался молодой голос. – Я сперва-то решил, вампиром укушенный, но нет, живехонек!

– А если все же укушенный, но не до смерти? – пробасил самый другой охотник, самый крупный. – Тогда он сам вампиром обернется. Опасно!

– Здешний вампир непременно выпивает всю кровь, – возразил третий. – Да нет, этот целехонек. Странно, и вином от него не слишком разит. Может, заболел?

– Пьяный, пьяный! – уверенно провозгласил Вешильд, пиная сидящего. – Эй, голубчик, вставай! Что ж ты так? Посреди лужи сидишь, ай-яй-яй! Так и простудиться недолго! Вставай-ка, изволь домой отправляться! Помогите ему встать.

Помощники подняли незнакомца и поставили на ноги – тот, похоже, никак не мог проснуться. Но идти был в состоянии.

– Ступай, ступай! – весело подбадривал Вешильд.

Опираясь о стену, пьяный побрел по улице.

– Вот как славно, – объявил охотник на вампиров. – Станем ловить на живца, но не на тебя, Годлих! Ха-ха!

– Слава богам, – буркнул Годлих, коренастый малый, с ног до головы укутанный в толстую кожу. – А то всякий раз дрожу: а ну, как прокусит тварь воротник? Погодите, отче! Так его же в самом деле...

– Ну что с того! Он все равно бы нынче замерз, простудился и помер! Пусть кровопийца его кусает, этот несчастный станет последней жертвой здешнего вампира. Зато нам легче – когда чудовище трапезует, оно теряет бдительность. Подкрадемся, когда вампир будет ужинать, ха-ха!

* * *

Джейк брел под мелким дождем. Он с трудом переставлял ноги, время от времени его качало, тогда воришка старательно клонился вправо – там стена. Коснувшись рукой холодных склизких камней, он восстанавливал равновесие и брел дальше.

Тело само заботилось о том, чтобы держаться на ногах и двигаться по мокрой мостовой, разум Джейка был теперь далеко. Перед затуманенным сознанием пронеслись странные картины – удивительно не похожие на унылую темную действительность. Джейку мерещились лужайки, покрытые цветами, яркими-яркими. И трава была зеленая-зеленая, ничуть не напоминающая бурные стебли, какие пробиваются на городских улицах между бульжников. В уши Джейку сладко пели птицы. Или это были ангелы? Откуда городскому парню знать, как щебечут птицы в лугах? Джейку ни разу не случалось покидать стен родного города, так что и трава, и цветы, и птицы – все было плодом воображения воришки. Колючка сонной акации подействовала странным образом. Если самые радужные мечты трезвого Джейка ограничивались стаканом кислого вина, жирным пирогом и дешевыми женщинами, от которых несет жареной рыбой и немытым телом – теперь ему, одурманенному, грезились цветы и птицы. В дырявых башмаках хлюпала грязная вода – а Джейк брел в шелковистых травах, осторожно ступая, чтобы не затоптать.

Охотники на вампиров шли следом, отставая на тридцать шагов. Потом они увеличили расстояние – Джейк миновал богатые кварталы, где вампир не появлялся никогда. Теперь в любой миг можно было ожидать нападения.

Вешильд отдал распоряжения – верзила, который волок снасти, отстал. Что-то в его ноше позвякивало, и Вешильд счел, что звук может их выдать. Сам он извлек из ножен, подвешенных на боку, бронзовый кинжал. Оружие держал наготове, под полый плаща.

– Отстанем побольше, братья, – велел знаменитый охотник, – я чувствую: тварь где-то близко. Мы не станем ей мешать, пусть нападет и приступит к богомерзкой трапезе.

Дивные птицы, порожденные фантазией Джейка, издали новые трели. Воришка вздохнул от восхищения – какой чудесный напев! Что он предвещает? Должно быть, сейчас навстречу Джейку выйдет прекрасная фея, владычица волшебного луга.

Глаза воришки были широко распахнуты, но он не видел ни грязной мостовой, ни темных стен, по которым медленно стекала вода... Не заметил он и бесформенную тень, которая шагнула из подворотни. Тонкие руки неожиданно сильно повлекли Джейка в сторону, заставили опуститься в траву... Он улыбался – неизъяснимо прекрасная фея, само очарование, обнимала его! Во мраке над Джейком проступило иссиня-бледное худое личико, тонкие пальцы оттянули грязный, набухший дождевой водой, ворот и острые клыки мягко вошли в шею...

В переулке бесшумно мелькнула сутулая фигура, но ее не заметил ни грезящий Джейк, ни припавший к шее воришки вампир, ни охотники, которые с двух сторон подкрадывались к пирующему кровососу. Тень выдвинулась из переулка... смуглые руки поднесли к лиловым от холода губам тонкую трубочку.

* * *

Айлу-Фатар продрог в мокрых лохмотьях, но старательно сдерживал дрожь. Сейчас промахиваться нельзя. Он уже подстрелил колючкой одного из спутников Вешильда – когда кайда напала, тот отправился в обход и отделился от команды охотников. Айлу-Фатар едва сумел отыскать щель в плотных кожаных одеждах парня, чтобы поразить открытое тело. Но смог все-таки... теперь охотник спит, остаются трое. Тот, кто похитил бога, должен умереть, ему прощения не будет, а вот остальных южанин собирался усыпить. Первым – самого большого. Наверное, он опасней. Айлу-Фатар тщательно прицелился в щеку над задранном воротником и резко выдохнул. Здоровяк почесался, нащупал колючку, но удивиться не успел – Вешильд скомандовал: «Вперед!»

Режим питания, избранный Клариссой, имел существенный недостаток. Если сдерживать голод она научилась неплохо, то, приступив к трапезе, уже не могла остановиться. Другие вампиры подкреплялись часто и понемногу, охотились компаниями (тогда каждому доставалась лишь толика), иногда сохраняли пищу жизнь, чтобы заполучить нового собрата. Кларисса же ела раз в неделю, зато высасывала досуха. Ей уже вчера нестерпимо хотелось крови, но дождь загнал горожан под крыши... Пришлось терпеть голод еще целые сутки.

Изголодавшись, она припала к Джейку и не замечала ничего. Опомнилась Кларисса лишь когда на нее свалилась тяжелая сеть, ловко брошенная рослым охотником. Кровопийца вскинулась, пытаясь сбросить петли, и завизжала – в тросы были вплетены серебряные нити. Больно.

Кларисса билась над телом Джейка, но никак не могла освободиться и запутывалась все сильнее. Вешильд и подручные бежали к ней, тяжело топая, расплескивая лужи... Налетели, навалились, растянули сеть, прижимая добычу к булыжнику. Кларисса не сдавалась, ей даже удалось приподняться вместе с повисшими на сети охотниками, она уже стояла на коленях – тут Вешильд, уловив момент, подкрался к девушке сзади и воткнул кинжал Клариссе в ягодицу. Помощники навалились изо всех сил... рывки пленницы сделались слабей... наконец стихли вовсе.

– Вот и славно, – Вешильд выпрямился и потер ладони, – дело сделано. Упакуйте товар, дети мои... А чего это Годлиха не видно? Я ж ему велел к нам бежать, как приступим!

– Должно быть, решил, что если вместо него пьянчугу вперед пустили, так и работать не надо, – подал голос самый молодой из охотников.

Он просунул обрубок осинового кольшка между челюстей потерявшей сознание Клариссы и теперь стягивал на ее затылке ремешки, удерживающие деревяшку.

– Значит, и долю не получит за эту тварь, – решил Вешильд. – Ну что, заткнул пасть? А ты, боров жирный, управился?

– Ага, – рослый охотник защелкнул на клариссиных запястьях браслеты, соединенные короткой цепью. – Готово, отче.

– Ну так переверните! – недовольным тоном велел Вешильд. Мордой вниз ее переверните, не то захлебнется, когда блевать станет! Эх, ну что за неучи! Ведь не впервой же вам, не впервой, а все никак не запомните... А ты давай мешок.

Рослый охотник выпрямился, встряхнул широким мешком, чтобы ткань развернулась. Тут его снова кольнуло в щеку. Толстяк поскреб больное место, нащупал колючку и стал вертеть перед газами, чтобы получше разглядеть в темноте.

Молодой подручный перевернул Клариссу и украдкой пощупал ее грудь.

– А что, отче, она теперь снова человек?

– Не совсем, – буркнул знаменитый охотник, – вот полежит с кинжалом святого Локорна в заднице – и тогда, по милости чудотворца, выйдет из нее злобное кровопийство.

Такова сила реликвии, обретенной мной путем великого подвига. Но о том – молчок. Нам надлежит вампира предъявить для казни, а не девку. Понял?

– Так если она теперь опять девкой станет, – не унимался парнишка, – может, нам ее можно... того? Ну, этого? Попользовать, значит? Ведь все едино костер ждет?

– Мысли твои грешны, – отрезал Вешильд, – мне негоже такое слушать... Но если так приспичило, нынче тебя поставлю ее в каталажке стеречь. А мы – спать... Эй, ты, пугало, что возишься?

– Да что-то вот... колется... – пробасил толстяк и вдруг стал оседать на закованную в цепи Клариссу.

– Эй, ты, кабан жирный, ты чего? Эй! Она тебя не укусила случаем?

Над низкорослым Вешильдом выросла широкая тень – Кеннет ударил знаменитого охотника на вампиров по темени, тот мешком повалился в лужу. Молодой подручный, увлеченно изучавший скудную клариссину анатомию, поднял голову – клочок влажной тьмы метнулся навстречу, обращаясь в тяжелый кулак...

Айлу-Фатар не понимал, что происходит, но счел, что события развиваются по воле Лахаса. Дождавшись, чтобы на ногах остался только тот, кто пришел последним, южанин вложил колючку в трубку и прицелился...

* * *

Кеннет присел над расprostертым в луже низкорослым охотником, проверил пояс – пусто. Есть люди, которым нравится носить нож за голенищем сапога, но Вешильд был обут в башмаки... Кеннет как раз нащупал ножны, подвешенные на ремне под рукой коротышки, когда колючка сонной акации уколола в щеку. Наемнику показалось, что его кусает насекомое, он даже подумал, что комары ничуть не лучше вампиров... а потом вдруг понял, что падает. Под щекой возник мокрый плащ Вешильда, зрение помутилось...

Айлу-Фатар выступил из темноты и оглядел груды неподвижных тел. Осторожно подхватил Кеннета и сдвинул с охотника на вампиров. Оказавшись на твердом холодном булыжнике, наемник окончательно пришел в себя, но лежал неподвижно. Сознания он не терял ни на миг – его организм отличался странной нечувствительностью к ядам. Просто на некоторое время действительность странным образом сплелась со странными видениями. Кеннету почудилось, что Вешильд и помощники – сказочные животные, рогатые, мохнатые... вот они вольготно развалились в траве... и еще рядом лежит очень красивая девушка... Вскоре видение померкло, а потом из тьмы вышел странный чужеземец, который пил молоко в «Треснутой кружке» – и Кеннет ничуть не удивился, появление южанина показалось наемнику совершенно естественным. Кеннет решил, что чужак не желает ему зла, потому беспрекословно позволил перетащить себя в сторону и стал наблюдать сквозь сомкнутые ресницы.

Айлу-Фатар склонился над Вешильдом, извлек из-под лохмотьев бронзовый кинжал и, держа перед собой, запел вполголоса странные тягучие куплеты. По треугольному лезвию побежали искорки, освещая крючконосый профиль южанина. Кеннет медленно согнул и разогнул пальцы, проверяя, насколько он в состоянии управлять собственным телом. Похоже, порядок. Айлу-Фатар умолк, и Кеннет собрался отнять у него кинжал... неожиданно чужеземец порывисто склонился над коротышкой Вешильдом и взмахнул рукой. По телу охотника на вампиров пробежала судорога, из распоротого горла вылетел тихий хрип... Южанин отшатнулся от умирающего – теперь он сидел на коленях спиной к Кеннету, и наемник, не задумываясь, взмахнул ногой. Каблук тяжелого сапога ударил чужеземца по затылку, тот свалился на Вешильда – лицом в струю крови, бьющую из раны. Айлу-Фатар проворно кувыркнулся через убитого и легко поднялся. Кеннет озадачился – обычно его удары оказывались куда действенней! Он тоже вскочил и двинулся на южанина. Тот взмахнул кинжа-

лом, роня кровавые брызги с лезвия и выпачканной одежды, Кеннет увернулся и сделал еще шаг. Айлу-Фатар повернул оружие обратным хватом и попытался ударить снова, но теперь рослый наемник был совсем рядом. Кеннет легко поймал вооруженную руку и позволил Айлу-Фатару закончить движение – только немного подправил траекторию клинка. От рывка чужестранец покачнулся, падая вперед, вслед за кинжалом. Локоть Кеннета врезался в лицо южанина, Айлу-Фатар ахнул, выпустил кинжал и осел на мостовую. Ему было очень больно.

– Ничего не понимаю, – заявил Кеннет, подбирая бронзовый клинок, – ты кто такой? И почему нож у тебя? Он же у этого должен был оказаться?

Айлу-Фатар вытер струйку крови, стекающую из разбитого носа, поглядел на мокрые ладони и сказал:

– Это не настоящая Лахас. Это кузнец Ходон делать, а великий шаман Рам-Тайфад сильно намолил. Очень похож. Все равно не настоящая. Настоящая Лахас была у обманщик вор. Моя вернуть. Дай вернуть, очень надо! Очень просить, вернуть надо!

– Лахас? А, кинжал святого Локорна! Значит, это копия?

– Моя не знать копия, – скорбно покачал головой Айлу-Фатар и снова утерся, – моя очень просить настоящая Лахас. Сильно просить. Очень надо.

– Погоди, погоди... – Кеннет пытался сообразить, о чем толкует чужак, но истина упорно ускользала. – Значит, у тебя копия, подделка. Похожий ножик, правильно?

– Так есть. Похожая на Лахас. Такой дорогу верно кажет к Лахас, а сам не.

– Но у коротышки тоже не было ножа.

– Настоящая Лахас он в кайду тык, – Айлу-Фатар отнял руку от носа и показал в сторону, туда, где лицом вниз лежала Кларисса. С кончика пальца южанина снова сорвалась кровавая капля. – Вон кайда.

– Кайда? А, вампир!

– Кайда кровь пьет. Лахас против нея. Если не верну Лахас домой, кайды всех заберут. Один заберут, потом другой, потом еще другой. Всех один за другой. Всех кусают, все кайды потом. Нет мой народ, токмо кайды. Нужно Лахас домой. Очень.

Тут Кеннет разглядел рукоять кинжала святого Локорна, которая торчала из тощего зада Клариссы.

– А, вот он. Верно!

Кеннет потянулся к реликвии святого Локорна.

– Ай! Не трожь! Не брать покуда! – всполошился южанин. – Кайда не обернулась! Маленько годить!

Кларисса пошевелилась. Руки были скованы за спиной, и она не могла восстановить координацию движений, только ворочалась в луже. Вот приподнялась, изогнувшись в талии, икнула, промычала неразборчивое из-под деревянного кляпа – а потом ее начало рвать. Осиновый брусок мешал, Кларисса мучительно стонала, изрыгая не переваренную кровь Джейка вперемежку с отвратительной вонючей слизью. Девушка пыталась отстраниться от мерзкого месива, но никак не удавалось приподняться, она стонала, ныла, все тело передергивалось от напряжения – с каждым рывком из-под кляпа выплескивалась новая струйка.

– Кайда оборачивается. Опять живой стать, – довольным, даже ласковым тоном протянул Айлу-Фатар.

* * *

– Оборачивается, значит... – повторил Кеннет, наблюдая за рывками Клариссы.

Наемник потянулся почесать отнятым кинжалом подбородок – проскочила длинная голубоватая искорка, кольнула щеку. Кеннет буркнул ругательство и поглядел на бронзовое

лезвие. В голове роились странные мысли, смутные догадки и подозрения. Сложить их в цельную картинку никак не удавалось. Слишком много тайн громоздилось здесь друг на друга. Кеннет не любил упускать тайны – любая могла обернуться туго набитым кошельком...

Кларисса постепенно уgomонилась и теперь только икала, неловко вывернувшись набок.

– Значит, этот кинжал превращает вампира в человека? – уточнил наемник.

Айлу-Фатар промолчал. Он уже использовал наличный запас слов и теперь боялся сказать неправильно.

– И этот кинжал у вас украли?

– Не простой кинжал, – сказал южанин.

Подумал и прибавил:

– Лахас там.

– Кто это – Лахас?

– Большой бог. Сильный. Кинжал и есть Лахас.

– Сильный? – Кеннет оглядел рукоять, изображающую коротконового лысого мужичка с закрытыми глазами. – А на вид плюгавенький.

– Лахас – великий бог, все ему молят. Шаман Рам-Тайфад лучше всех молит. Умеет великий Лахас призвать. Кузнец новый кинжал творить, совсем как старый, Рам-Тайфад в новый немного великий бог примолить. Но не настоящий, недолго деять. Нужно старый, верный кинжал...

– По-моему, мы топчемся на месте, – решил Кеннет. – Нужно где-то скрыться, а то, неровен час, стража явится, или еще кто. А тут у нас...

Наемник обвел рукой грудь тел. Кларисса икнула.

– Как ты думаешь, твой нож уже подействовал? Можно его выдернуть?

Айлу-Фатар пожал плечами. Обычно Лахасу давали побыть в теле кайды подольше.

– Нехорошо выйдет, если она еще вампир, – рассудил Кеннет, – мы уйдем, а она за нами увяжется... Нет уж, к демонам! Придется ее забрать, как есть, с ножиком в этом самом месте.

Кларисса икнула.

– Где бы спрятаться... Эй, у тебя есть, где укрыться?

– Моя чужой. Нет дом. Отдай Лахас, и как солнце – моя топать домой.

– Плохо.

– Можно к она домой.

– К кому?

– Кайда здесь рядом дом. Моя видел, за ней ходить. Совсем рядом, там никто видеть.

Кларисса икнула.

– Ты знаешь, где ее логово? – Кеннет наконец сообразил, о чем толкует собеседник.

– Точно есть.

– Тогда хватай ее и пошли. Ты впереди, я следом. И не вздумай своего Лахаса в ее заднице шевелить! И думать не моги! Неси, как есть.

Кларисса икнула.

Айлу-Фатар послушно поднял девушку, взвалил на плечо. Рукоять в виде коренастого Лахаса покачивалась перед глазами южанина, но он боялся послушаться сердитого спутника. Тот рассуждал спокойно и не сердился – авось, удастся упрямить, чтобы вернул бога похорошему...

Кеннет напоследок оглядел место стычки. Дождь почти прекратился, только изредка падали мелкие капельки, кровь собиралась лужами под телом Вешильда да вокруг сети, среди озерка слизи. Наемник вытащил из ножен на поясе здорового охотника широкий нож, выпачкал в кровавой луже и вложил верзиле в руку. Потом выругался и поспешил сле-

дом за южанином – тот удалялся с Клариссой на плече. Девушка висела неподвижно и только иногда икала.

Немного позже молоденький подручный Вешильда – тот, который строил планы относительно Клариссы – пришел в себя. Сел и огляделся. Первое, что бросилось в глаза – разрезанное горло охотника на вампиров. Парень вскочил и попятился – тут он увидел и блеск на лезвии клинка, зажатого в ручище толстого мужчины. Младший охотник охнул и попытался сбежать, поскользнулся, рухнул в лужу, пополз... снова встал – грязный, в крови и грязи. Сделал шаг, другой – ноги заплетались и скользили по мокрому.

– Убил! – с ужасом произнес парень. – Отца Вешильда убил, дурень жирный!.. Ох, бежать надо...

«Убили! Отца Вешильда убили!..» – разнеслось над спящими улицами. Крик взлетел и погас, удушенный дождем, городом и ночью... Кеннет кивнул и буркнул, обращаясь скорее к себе, чем к понурому Айлу-Фатару или икающей Клариссе:

– Я так и думал, что полезней их живыми оставить. Теперь виновных не станут искать, выберут одного из этих. Эй, чучело носатое, далеко еще? Слышишь, что ли? Сейчас шум поднимется.

– Сюда, – откликнулся южанин, указывая двухэтажное здание. – Здесь кайды домик.

Кеннет толкнул дверь – не заперто. Пожалуй, не врет чужак. В самом деле логово вампира выследил.

* * *

Внутри было темно. Наемник велел Айлу-Фатару опустить вампира.

– Интересно, здесь свечи есть? Лампы, или хоть что-то? Хотя, откуда... вампиру свет не нужен.

Южанин осторожно нагнулся. Кларисса лежала на плече тихонько, даже икать перестала. Прежде, чем уложить девушку на пол, Айлу-Фатару отгреб ногой мусор и... обнаружил огарок – старый и грязный. Должно быть, остался от прежних хозяев. Кеннет буркнул: «Чудеса случаются», разжег огонь и велел чужеземцу встать у стены, подняв руки.

– Моя Айлу-Фатар звать, – сказал тот, – отдай Лахас. Очень прошу. Совсем прошу.

Наемник, не отвечая, деловито обыскал южанина, отобрал деньги, короткий нож, трубку, футляр с колючками сонной акации. Колючек осталось совсем мало.

– Этим, что ли, в меня стрелял? – осведомился Кеннет. На Клариссу наемник не оглядывался, поскольку она в теперешнем положении опасности не представляла. Честно сказать, посмотреть на девушку ему хотелось, поскольку в памяти продолжали маячить смутные образы, навеянные дурманом сонной колючки – будто Кларисса прекрасней всех дев, каких Кеннету удалось повидать на жизненном пути... и будто бы их нынешняя встреча – нечто особенное... Чудеса случаются! Непривычное ощущение будоражило... но Кеннет стеснялся выказать любопытство. Представление о «правильном» поведении предписывало выглядеть холодным, самоуверенным и отстраненным.

– Этой, ага. Твоя спать должен был, не умирать, совсем не умирать. Хорошие сны, только потом маленько башка тяжелый.

– Хм, ловко... А я предпочитаю простые способы, – наемник продемонстрировал кулак.

– Но твоя не спать вовсе. Моя промахнулся? – поддержал разговор Айлу-Фатар. Он решил, что незнакомец настроен более или менее дружелюбно – значит, нужно с ним беседовать, как бывает между добрыми людьми, когда те встречаются. На охоте встречаются, или еще где – по-хорошему нужно беседовать, словно соседи. Поболтать с этим суровым человеком, он подберет, привыкнет к Айлу-Фатару, потом проще будет уговорить вернуть бога.

– Твоя промахнулся, когда с моей связался, – буркнул Кеннет. – Ладно, к демонам! Садись на стул. Руки назад.

Айлу-Фатар покорно позволил привязать себя к стулу.

– А теперь поглядим, что у нас тут...

Кеннет переставил свечу поближе к неподвижной Клариссе и склонился над девушкой. Честно сказать, результат осмотра обескуражил – тощее грязное существо с лицом, укрытым под копной спутанных нечесанных волос, вряд ли могло оказаться самой прекрасной девой... при этом непривычное ощущение не покидало, девчонка странным образом влекла Кеннета. Не как женщина влекла, а как идея. Как мечта о красоте. Прежде с наемником не случилось ничего похожего, и он решил, что колючка южанина все-таки подействовала. Еще решил, что нужно раздобыть побольше таких колючек – интересные мысли в голову лезут. Хорошо бы еще попробовать, только не наспех, а когда жизнь будет поспокойней.

Кеннет приподнял легкое тело, нащупал рукоять волшебного кинжала и дернул. Треугольное лезвие вышло неожиданно легко. Девушка охнула, но не пошевелилась. Наемник ждал, что хлынет кровь, однако на лезвии осталось разве что несколько капель. Кеннет перебрал в памяти все, что знал о вампирах – кажется, у них кровь не идет? Отвел густые волосы в стороны, перерезал ремешок и вытащил из челюстей Клариссы брусочек. Зубы оказались в порядке – ровные, белые, клыки не выделяются. Хм, хороший признак! Чудеса случаются!

Что же в ней такого? Обычная девчонка, только очень тощая. Худое лицо, вздернутый короткий нос... и веснушки. Вот уж чего у вампиров точно не бывает – веснушек!

– Эй, ты, как тебя? Айтуфар?..

– Айлу-Фатар. Друг.

– Слышишь, Айнуфакар, а нож-то действует!

– Лахас – великий бог. Очень вернуть надо...

Вот заладил... Кеннет перевернул девушку на живот и занялся оковами. Мысленно обругал себя за то, что не подумал прихватить ключ, и полез в потайной карман за отмычками. Отыскал подходящую, поковырялся в замке. Кандалы были хитрые – при попытке вырваться из браслетов выдвигались серебряные штырьки. Зато замок – плевый. С тихим щелчком браслеты разомкнулись, Кеннет снова перевернул Клариссу – теперь она показала ему даже очень хорошенькой. Только грязная слишком.

Кларисса раскрыла глаза – большущие, зеленые.

– Ты пришел, – торжественно провозгласила она. – Я так и думала, что рано или поздно мы встретимся!

– Когда это ты думала? – Кеннет растерялся, что случилось с бравым наемником нечестно.

– Когда следила за тобой по ночам, вот когда.

Девушка облизнула растрескавшиеся губы, схватила Кеннета за плечи, потянула – мягко, но настойчиво. Сам себе удивляясь, мужчина ответил на поцелуй, руки привычно поползли по платью Клариссы, нащупали застежку... Теперь и Кеннету казалось, что они непременно должны были встретиться. Рано или поздно – но чем раньше, тем лучше! Чудеса случаются!

* * *

– Проклятье... Где мой пояс? – Кеннет с трудом возвратился к действительности.

– Он на тебе, ножны на спину съехали, – Кларисса хихикнула, села... откинулась, опираясь на руки, так что маленькие острые груди приподнялись. – А мое платье совсем порвалось.

– Неудивительно. Ходишь в лохмотьях...

Смущаться наемник не умел, но теперь был сконфужен. Чудеса случаются!.. Чтобы не выдать, как ему неловко, Кеннет преувеличенно деловито стал натягивать брюки и переворачивать ремень – так, чтобы ножны возвратились на законное место, под руку. На девушку он не глядел, но когда все-таки поднял глаза – то уже не смог отвести взгляда. Руки сами собой потянулись к Клариссе, она снова хихикнула и скользнула навстречу, в крепкие объятия.

– Ты красивая, – ляпнул Кеннет, когда они наконец оторвались друг от друга. – А ходишь в лохмотьях. Что ж ты так? Нужно все-таки как-то...

– Ты – как мой папаша. Или как Гвенлин.

– Кто это?

– Вампир, который обратил меня.

– Я его убью.

– Не надо, – Кларисса уже не ухмылялась, – он добрый. Только по-своему. А ты – добрый?

– Нет, я злой. Я порчу девушек... – Кеннет вспомнил, что они в комнате не наедине, – на глазах у чужеземцев. Эй, ты, как тебя, Айматар, ты живой?

– Моя Айлу-Фатар звать. Моя не глядеть.

– Ну и зря не глядеть, – Кеннет уже совсем опомнился, бывшая самонадеянность вернулась к наемнику. – Ничего плохого мы не делали. Вот платье разве что порвали.

– Ничего, платье все равно было драное. – Кларисса поднялась и закуталась в лохмотья. – Смотри-ка, все еще ночь! А мне казалось, что много-много времени прошло...

– Так всегда бывает, – кивнул Кеннет, – постой, а как тебя звать?

– Кларисса.

– Хорошее имя. А я – Кеннет.

– Отдай Лахас, – снова протянул Айлу-Фатар, – твоя видел, как он деять. Кайду обернуть, совсем человек теперь еси. Не кайда вовсе. Моя народ очень Лахас ждять. Кайда много-много приходить. Совсем народ нет, если Лахас нет. Лахас – великий бог! Нет бог, нет народ!

– О чем это он? – Кларисса с любопытством поглядела на южанина. – И кто это такой?

– Моя Айлу-Фатар звать, – терпеливо повторил чужеземец, – моя твою сюда принесть. Моя Лахас нужен. Без бог не жить народ. Безбожие – гибельно быть.

– Он издалека приперся, – объяснил Кеннет, – ищет волшебный нож. Говорит, в ножике бог живет. Если этим ножиком вампира ткнуть, получается человек.

Кларисса нахмурилась и задумчиво потерла ягодицу.

– Вот именно, – подтвердил наемник. – Так этот Айдукамар говорит, что ножичек его народу принадлежит.

– Моя Айлу-Фатар звать. Отдай Лахас. Очень просить. Очень сильно. Совсем.

– По-моему, он хороший? – неуверенно произнесла Кларисса.

Кеннет вытащил оба кинжала – настоящий и копию, которую отобрал у пленника. Конечно, отличие заметное. Если держать два клинка рядом, вот как он сейчас – то невозможно спутать. На древней вещице Лахас тонко сделан, лицо – словно живое, даже видно, как божок лукаво следит за Кеннетом из-под опущенных ресниц... Копия сделана куда как проще, черты лица коренастого мужчины на рукояти – смазанные, невыразительные... сложенные на брюшке ладони едва выделяются, видно, что только контуры процарапаны на модели, по которой кузнец отливал новый кинжал.

– Кларисса, развяжи его, что ли... – промямлил Кеннет, вертя кинжалы перед глазами. – Слушай, Абдуламар, а твой новый-то ножик – он тоже может вампира... э... обернуть?

– Не долго мочь. Мой кинжал – нет Лахас настоящий, токмо малая часть Лахас, кою великий шаман Рам-Тайфад примолвил, – зачастил Айлу-Фатар, пока Кларисса сматывала веревку с его запястий. – Он, кузнецом который творен, быть как настоящий Лахас, токмо недолгим. Лахас – навеки, молитва Рам-Тайфад – на короткий миг. Кайду ударил ненастоя-

щий Лахас – он упал, день лежать, два день, три день потом не кайда, человек еси, а там сызнова!

Айлу-Фатар смолк, потирая следы веревки на запястьях.

– Что-то я не пойму...

– А я все понимаю! – объявила Кларисса. – Кинжал, в котором бог, меня делает человеком. Навеки, навсегда.

Девушка потеряла раненную ягодицу и продолжила:

– А шаман с кузнецом делают фальшивый кинжал, он обращает вампира в человека на два или три дня. А потом что?

Кларисса обернулась к южанину.

– А потом ваш шаман снова кайду ножом колет?

– Точно так. Молится без отдыха, молится великий Рам-Тайфад, намаливает Лахас новый кинжал, кузнец тоже без отдыха, он кинжалы деять и деять! Кайда приходит – его тык! Он упал, потом его в темный дом. В темный дом много кайда, цепочка сидеть, очень скучно ему, его снова и снова ненастоящий Лахас тык. Новый два дня – тык! Новый два дня – тык! Совсем плохой без Лахас настоящий...

– А что еще ваш бог может? Ведь не только вампиров лечить, а? Интересно мне, зачем надутому герцогу такой нужен...

Наемник не верил в добрые намерения сиятельного герцога. Что Кеннет знает о его светлости? Племянник короля, четвертый в списке наследников, отважный воин, выигравший несколько второстепенный кампаний... Человек властный, решительный... Зачем такому кинжал? Кеннет был совершенно убежден, что лично ему эта история ничего хорошего не сулит... кроме, конечно, сотни талеров... От герцогов не исходит ничего хорошего, кроме талеров, да и то нечасто – так устроен сей мир. К демонам! Чудеса случаются, но добрые намерения герцога – это даже не чудо... это нечто более дивное. Кеннет скорее бы поверил в жабью шерсть. Зачем герцогу карманный бог?

– Лахас – он великий! Много может, на охоте удачу может, урожай может, много орехи в лесу может, чужой бог одолеть может, разное деет...

Кеннет уже не слушал. Он вертел кинжалы, поворачивая так и этак... Глядя на наемника, умолк и Айлу-Фатар. Мысль, пришедшая в голову Кеннету, была совершенно очевидной.

* * *

Кларисса, кутаясь в изодранные лохмотья, удалилась в подвал – переодеться. Там старье хранится.

Кеннет вернул южанину трубочку, но половину колючек оставил себе.

– Хорошая штука, – пояснил, – интересно действует.

Потом подумал и вернул тяжелый кошелек.

Айлу-Фатар до того удивился, что принял деньги молча. Он привык: здесь, на севере к монетам народ относится со странным трепетом. При виде монет люди испытывают восхищение, трепет и вожделение. Примерно так земляки Айлу-Фатара глядели на идолов богов. Но боги-то – понятно! Их положено уважать, почитать и бояться. А кругляши со стертой неразборчивой чеканкой? Айлу-Фатар не пытался понять чужих обычаев, просто принимал к сведению. И вот – Кеннет вернул кошелек! Должно быть, это оттого, что он не такой, как другие. На него и колючка не действует. Айлу-Фатар вспомнил, как этот человек с бывшей кайдой по имени Кларисса глядели друг на дружку. Эх, да и не только глядели! На севере люди странные, но эта парочка – вовсе особенная! Должно быть, они будут счастливы вместе, потому что оба отличаются от иных. Жалко, что Кларисса такая некрасивая, подумал

Айлу-Фатар. Совсем некрасивая, долго Кеннету кормить ее придется, чтобы похорошела... так вот, выходит, очень необычно, что этот странный человек вернул кошелек Айлу-Фатару.

Кеннет и сам не понимал, что это с ним такое приключилось – будто кто-то толкнул под руку. Вроде, не случалось прежде, чтобы сам деньги отдавал! Отнимать привычнее. Хорошо еще, что носатый чужеземец не стал благодарить – должно быть, обалдел от счастья... А то бы совсем смутил Кеннета.

Подумав немного, наемник решил, что ему по мозгам так шарахнуло из-за колючки сонной акации. Пройдет время – и это дерьмо, к демонам, отпустит... так что он перестанет монеты дарить. Точно, колючка, все из-за нее. Наемник ухватился за это объяснение, потому что все остальные были еще хуже. Ведь не бог же Кеннета так переделал? Не Лахас этот бронзовый? Однако от кинжала следует избавиться, а то мало ли... Если Лахас заставляет кошельки раздавать...

Заскрипели ступеньки – девушка вернулась. Новый наряд... был новым только в сравнении с прежними лохмотьями. Бесформенная пыльная хламида висела на костлявых плечах, словно мешок. Кеннет подошел и осторожно расправил ткань на боках девушки.

– Может, мне перепоясаться? – упавшим голосом спросил Кларисса.

– Не надо, только складками все соберешь, – решил наемник, – возьми лучше мой плащ, укутайся, как следует. Еще простудишься под дождем!

И погладил взъерошенные черные волосы Клариссы.

Айлу-Фатар первым вышел наружу, огляделся и сказал:

– Дождик. Больше прежнего становить.

В самом деле, дождь снова полил сильнее. Странный дождь – затяжной, муторный. Необычно для августа. Старики говорят, подобная погода обычно предвещает нечто... Дождь – это знак.

Кларисса подставила под капли ладонь и счастливо улыбнулась – она, оказывается, совсем забыла, какое это приятное чувство – ощущать ладонью холодную воду с небес! А как пахнет дождь! Боги, Кларисса успела позабыть это свежий, чуть терпкий запах... Дышать дождем – это счастье. Кеннет поправил плащ, в который укутал девушку, и строго сказал:

– Не мокни понапрасну, тебе сейчас беречься нужно... ведь отвыкла же! А ты, как тебя, Ардуматар, давай вперед, чтоб я тебя видел. Курс на «Треснутую кружку»! Эй, не туда! В обход двинем, потому что если прежним путем – то наверняка стражников повстречаем. Да не так широко шагай, чучело носатое, видишь, дама не поспевает! Времени до рассвета еще много. Мы успеем...

– Моя Айлу-Фатар звать, – безнадежно повторил южанин, послушно принаравливая шаг к неровной походке бывшей кайды Клариссы.

* * *

– Внутри я войду один, – объявил Кеннет, – вы ждите поблизости. Только у дверей не маячьте, спрячьтесь где-то... в подворотне, например. И поосторожней, что ли... Ну, с богами...

– Зачем с богами? С Лахас за поясом ты. Я молить Лахас, чтобы помогал.

– Эх ты... Акукамар! Ладно... к демонам! Я иду.

В зале царила полутьма. Посетители давно разошлись, только две богатырских фигуры, герцог с телохранителем, возвышались над столом. Хозяйка отправилась на боковую, а бородатый трактирщик дремал за стойкой. Он потушил большую часть ламп, оставил только те, что горели над полуночниками, да свечу перед собой. Конечно, толстяк охотно отправился бы спать, да ведь не укажешь на дверь-то важным господам! Тем более, они при деньгах, платят, не скупясь. Когда еще пошлют боги таких клиентов в дождь? Никогда и не

пошлют. Так что хозяин дремал, уронив голову на сложенные руки. К гостям была обращена макушка – розовая в отсветах свечки плешь, обрамленная короткими жесткими волосами.

Кеннет вошел тихо, аккуратно затворил дверь, хозяин и ухом не повел. Огонек свечи, горящей на стойке, качнулся, на стенах вздрогнули тени. Герцог тоже не услышал, но телохранитель встрепенулся и привстал, всматриваясь в полумрак у входа. Кеннет вышел на свет и остановился, позволяя разглядеть себя. Теперь и герцог заметил.

– Ну? – изрек вельможа.

Толстяк за стойкой поднял голову, из угла мятого рта протянулась ниточка слюны. Трактирщик утерся ладонью и снова опустил голову. Раз Кеннет не садится, значит, заказов не будет.

– Товар при мне, – спокойно объявил наемник.

– Давай.

– Извольте, мой господин, – Кеннет приблизился и положил на стол кинжал.

Герцог осторожно, кончиками пальцев, взял клинок и внимательно осмотрел, поднеся едва ли не к самому носу. Потом стянул перчатку и провел над кинжалом длинными пальцами, унизанными перстнями. Свет ламп отразился в гранях благородных камней. Один самоцвет зажегся неярким розовым светом. Джерем поморщился. В старинном манускрипте говорилось, что камень будет испускать мощное алое свечение. Назывался камень «Сердце Демона», и тому имелась причина... Что же, кристалл исправно светился, хотя и не так, как писал древний чародей... Объяснения могли быть различными – древность реликвии, ошибка переписчика, да мало ли...

Телохранитель положил ладонь на рукоять кинжала под столом и глянул на господина. Тот еле заметно качнул головой и вытащил кошелек.

– Держи!

Кеннет поймал звякнувший мешочек, при этом хозяин снова поднял голову и протяжно зевнул.

– Всего хорошего, мои господа... – наемник отступил в тень, не сводя глаз с клиентов. Отвернулся он только у двери.

Когда наемник показался снаружи, две тени выступили из подворотни.

– Сработало, – буркнул Кеннет, – держи, Айгумагар.

– О... – южанин в припадке восторга прижал истинного Лахаса к груди. Бог вернулся! – Навеки, благодарность навеки, друг! Великий друг! Что твоей желательно будет... моя навеки...

– Эти идиоты ничего не заподозрили, – заметил Кеннет. – А утром мы уйдем отсюда. Подальше от этого напыщенного аристократишки. А что, Кларисса, не отправиться ли нам с Аймугабаром?

– Его зовут Айлу-Фатар, – улыбнувшись, поправила девушка. Ей было все равно, куда идти. С Кеннетом.

– Ладно, выучу по дороге, – ухмыльнулся наемник. – Идем скорей, пока болваны там, в «Треснутой кружке», не заподозрили обмана. Жаль только, что не увижу их рож в тот миг, когда они поймут, что прокололись.

* * *

– Дело сделано! – герцог поднялся, со скрежетом отодвинув стул. Сунул покупку за пояс и натянул перчатку. – Идем!

Мужчины вышли на крыльцо и остановились, чтобы поднять капюшоны. За спиной звякнул засов – хозяин наконец-то запер заведение и теперь отправится дрыхнуть.

– Мы были одни, – осторожно заметил телохранитель, – хозяин не в счет. Можно было...

– Пустое, – бросил вельможа, – слишком многие видели нас здесь. Станет известно, что я покинул «Треснутую кружку» последним. Если убрать хозяина, это может оказаться слишком... э... да и, в конце концов, что деньги? Дело того стоило.

Они зашагали под холодными струями дождя, разбрызгивая грязную воду сапогами. Прошли по тихим улицам... Здесь, в городе, у герцога был собственный отель. Телохранитель громко постучал – за дверью послышалась возня, торопливые шаги. Когда дверь запахнулась, и заспанный привратник с поклонами посторонился, Джерем обернулся и велел:

– Ступай к воротам. Скажешь стражникам, мол, секретное дело, разыскиваем опасного преступника. Этот парень, конечно, захочет удрать на рассвете, едва отопрут. Арестуй его, а лучше убей. В любом случае, он не должен ничего говорить дня два или три. Потом уже неважно, пусть говорят, что хотят...

– Лучше, если он вообще ничего не скажет, хотя бы и через три дня, ваша светлость.

– Конечно, это лучше, – кивнул господин. – Солдатам в воротах дашь денег, чтобы и они помалкивали. Ступай.

Телохранитель поклонился и исчез в холодных струях дождя. Вельможа с минуту глядел в серую пелену дождя. Привратник терпеливо ждал, в лучах фонаря дождь казался тоненькими серебряными нитями – будто распутанная паутина опадает с небес. Герцог представил себе паука, которому под силу сплести чудовищную сеть, поежился и шагнул через порог. Миновал прихожую, на ходу сбросил промокший плащ и, широко ступая, удалился по коридору. Привратник подобрал господскую одежду и покачал головой – повезло. Сеньор суров, мог и в ухо дать, а рука у его светлости ох, тяжелая. Но сейчас вроде, слава богам, возвратился в добром настроении...

Герцог прошел по темному коридору до конца, на дальней стене горела тусклая лампа, и чем ближе его светлость подходил к свету, тем явственней становилась длинная тень. Тень пряталась за широкой спиной Джерема, кралась и пританцовывала в такт шагам. Под лампой находилась низенькая дверца – вход в подвал. Приехав в город, вельможа велел очистить каморку внизу, вынести хлам и тряпье. Да еще приказал врезать в дверь новый замок – иноземной работы, запирается с обеих сторон.

Что там, в подвале, теперь, не знал никто, за исключением господского телохранителя, который, как говорили, приходится его светлости сводным братом, сыном служанки и старого господина.

Его светлость извлек из кошелька ключ, отпер дверь и, низко склонив голову, прошел в темноту. За дверью не было, разумеется, ни ламп, ни свечей, но, когда герцог стянул перчатки, оказалось, что камень, именуемый Сердцем Демона, дает достаточно света. Здесь, в полном мраке, стало похоже, что он сверкает куда ярче, чем там, в «Треснутой кружке», где розовое мерцание тонуло в огне ламп. Герцог запер замок изнутри и двинулся по узкому ходу. Через десять шагов начались ступеньки – спуск в подвал. Дешевый камень стерся и сделался склизким из-за вечной сырости, царящей в подземелье, так что вельможе пришлось идти медленно, осторожно нащупывая чересчур узкие для его крупных ног ступени. Герцог горбился и опирался левой рукой о стену, не заботясь о том, что пачкается о слизкие крошащиеся камни. Правую ладонь он держал перед собой, и Сердце Демона скудно освещало путь.

Спуск привел в чуланчик. Здесь имелось освещение – толстые свечи из дорогого белого воска смотрелись чуждо в ржавых кольцах, вмурованных в стены, поросшие мхом и плесенью. Серые лохмотья образовывали на темном сыром камне причудливый узор. В центре комнаты на деревянном постаменте покоился некий предмет, укутанный мешковиной.

Герцог прошел вдоль стен, зажигая свечи... остановился в центре и отбросил дерюгу. Под покровами таилась вырезанная из черного камня статуя в локоть высотой – фигура странного создания, сидящего на корточках. Отблески пламени метались по полированной поверхности, играли и дрожали. Статуя изображала коренастого карлика. Длинные руки охватывали колени, голова, приподнятая на непропорционально крупном торсе, венчалась витыми рогами. Лицо идола было печальным, опущенные углы рта и тяжелые веки наводили на мысль о том, что каменное существо хочет спать. В груди имелось отверстие в форме ромба.

Его светлость аккуратно всадил кинжал святого Локорна в дыру – бронзовое лезвие скрылось по рукоять. Легкий щелчок – статуя вздрогнула, демон открыл глаза. Герцог отступил и замер, вглядываясь в оживающего идола.

– Кто ты таков и как смеешь тревожить сон Зелиала? – маленький каменный демон обладал звучным низким голосом.

Герцог продемонстрировал светящийся перстень.

– Я твой повелитель. Видишь камень? Ощущаешь кинжал в груди? Ты должен мне повиноваться!

Каменное лицо сложилось в приторно-сладкую гримасу.

– Да, о владыка! Повелевай Зелиалу, повелевай скорее! Я жажду исполнить твою волю, сколь бы безумной она ни оказалась!

Джерем самодовольно ухмыльнулся.

– Да, демон, да. Ты исполнишь мою волю... ты отправишься в королевский дворец, убьешь дядюшку, венценосного осла, убьешь и моих дорогих кузенов. Хотя... как ты их узнаешь?

– Не будем мелочиться, мой повелитель! Я убью всех, кого застигну во дворце! А? Так будет верней. С твоего позволения, о великолепнейший из владык...

– Отличная мысль. Итак, ты не оставишь в живых никого.

– Мне отправляться немедленно, о могущественный вождь?

– Подождем до рассвета. Мне нужно сделать кое-какие приготовления.

– Как прикажешь, о величайший!

Идол улыбнулся еще слаще. Считается, будто у демонов нет чувства юмора... однако это не так. Зелиал мгновенно ощутил, что кинжал, пронзивший каменную грудь, хоть и подобен настоящему Исторгателю Сердец, но на деле – лишь копия, жалкая подделка. Чародей, изготовивший эту штучку, неплохо потрудился, призывая в свое произведение дух Исторгателя, но кинжал стремительно терял силы. Очень трудное дело – держать в повиновении самого Зелиала! Еще чуть-чуть – магия кинжала иссякнет, и демон освободится от власти зачарованной бронзы. Тогда-то он растерзает «величайшего», уничтожит, разорвет в клочья... и сделает это медленно. Очень медленно. И лишь потом снимет с мертвой руки кольцо, разломает оправу, извлечет кристалл, чтоб вернуть утерянное в незапамятные века Сердце... Потом – снова сон на века. Сладкий. Темный.

А до тех пор демон станет угождать и поддакивать, льстить и притворяться... Глупый человек, ему невдомек, что власти над Зелиалом вот-вот придет конец... У демонов весьма развитое чувство юмора, но оценить его под силу лишь истинному знатоку!

– О, мой повелитель!.. О могущественнейший из земных владык!..

Зелиал мысленно хихикал и кривлялся – сохраняя непроницаемое выражение на каменном лице. О да, с каменным лицом. С каменным! Хе-хе. С каким же еще? Он ведь идол, истукан! С каменным лицом. Хе-хе! Демон наслаждался собственной шуткой.

* * *

Джейк сел в луже. Проклятье! Паршивая жизнь закончилась паршивой смертью – его укусил вампир. Да и вампир-то каков – тощая костлявая девка... Воришка ощупал себя. Странное ощущение, ничего не болит. Сколько Джейк себя помнит, у него всегда что-нибудь ныло, болело или хотя бы чесалось. И вот – ни малейшего недомогания! Чудесное состояние. Джейк сидит в грязной холодной луже и не мерзнет. Только жрать хочется. Вот раньше-то он и не ел помногу, желудок не справлялся... Погодите-ка, он теперь – кто? Ведь не покойник же? Он вампир!

Новообращенный кровопийца встал и, задрвав голову, уставился в небеса. Навстречу неслись мириады капель, падали, стекали по холодному лицу, собирались ручейками на плечах, на прокушенной шее... Он их видел – несмотря на ночную темень, различал каждую капельку! Но запаха дождя он не замечал. Джейк прекрасно помнил, как, слоняясь ночами по засыпающему городу, остро ощущал малейший оттенок вони. Гниют отбросы у лавки мясника, тянет сырým железом и гарью от кузницы... У мастерских кожевников и скорняков и вовсе смердит невыносимо. А когда шел дождь – появлялся запах небесной влаги, чуть терпкий, но странно приятный. Дождь укрывал Джейка, когда весь город оказывался против него.

Да! Он ничего не забыл – весь город, весь мир вел с Джейком нескончаемую войну и неизменно одерживал победу за победой. Джейка избивали, пинали, морили вонью убогих кварталов, обдавали презрением на центральных улицах! Он мучился сотней болезней, страдал от сознания собственного ничтожества, терзался пренебрежением окружающих. Распоследний холуй или конюх глядел на Джейка свысока... даже стражники, когда выносили Вешильда и оглушенных подручных, бросили беднягу Джейка с прокушенным горлом валяться в луже – мол, утром возвратятся с тачкой и увезут эту падаль... Они не сочли его достойным последней милости, не отнесли к Джейку, как к человеку, даже после смерти... Он слышал все, каждое слово, заметил каждый плевок в лужу, он видел и слышал, хотя лежал, словно колода, и не мог пошевелиться, скованный странной апатией. Он услышал и запомнил их грязную ругань. Он не забудет и не простит ничего. Ни-че-го!

Вампир Джейк здоров, полон сил, он отлично видит, различает каждую капельку в мокром небе. И слышит превосходно. Что же с того, что вампиру не дано ощутить свежего аромата дождя? Это можно пережить, да попросту забыть, не замечать, отвыкнуть!

Итак, мир, готовься, Джейк даст тебе новый бой... и теперь-то... теперь удача будет на его стороне. Он снова против города, но пусть-ка город побережется теперешнего Джейка. Кто-то идет... Какой-то здоровяк, вон как топает по лужам! Джейк отступил в нишу и приготовился. Этот мужчина высок, статен, под добротным плащом кольчуга вороненой стали, на поясе – здоровенный кинжал. Оружие не защитит человечка, нет. Мужчина вглядывается в темноту, но не может разобрать ничего, а Джейку прекрасно видать каждое звено черной кольчуги, каждую заклепку на ножнах. Он отлично различает, как бьется на толстой шее жилка... кровь, сладкая, сытная. Куда направляется эта пища? Большой человечек не доберется к цели.

Ночь, дождь и город, глядите – Джейк идет!

Оракул

1. Оракул

Крупный белый конь размеренно вышагивает по узкой тропке, выющейся среди валунов и густых колючих кустов, вцепившихся в каменистые склоны ущелья. Конь качает массивной головой, позвякивая удилами; мохнатые пряди белой шерсти на бабках, усеянные репьями, мотаются в такт ударам копыт. Всадник покачивается в седле, лениво оглядываясь из-под полуопущенных век. Светлые волосы, собранные на затылке в хвост, мягко шевелятся, когда он поворачивает голову.

Ренган Ар-Арах возвращается в родной поселок. Девять лет он шлялся по низинам на юге, девять лет воевал за морями. Изредка сюда, в горы, доходили слухи о его подвигах – искаженные, перевернутые и конечно многократно преувеличенные. Он не слышал о земляках ничего – и ни разу за девять лет не попытался разузнать. Да и что может измениться в горах? Люди, семьи и кланы здесь так же упорно сопротивляются времени, как сопротивляются ветру камни, среди которых они живут. Время обтекает их, почти не оставляя следов – в точности как ветра, дующие в горах. Ренган почти не сомневался, что застанет в живых всех, с кем распрощался после смерти отца – девять лет назад. Что застанет неизменными обычаи, поговорки, манеру одеваться, принятые среди Ар-Арахов тогда.

Тропа, по которой теперь ступал его конь, точно не изменилась – Ренгану казалось, что он узнает не только каждый камень, но и каждый пучок травы, каждый поросший мхом искривленный древесный ствол... И скоро он увидит земляков – поселок вон за тем поворотом. Хотелось двинуть коленями, понукая белого жеребца, хотелось помчаться галопом... Но Ренган знал, что суетливость не к лицу горцу, тем более – горцу из почтенного клана. Ар-Арахам не понравится, если он будет торопиться, подобно какому-нибудь купчишке из низин. Здесь люди неспешны и упорны, как камни, среди которых живут...

Неторопливым шагом белый жеребец вступил на единственную улицу поселка Ар-Арахов, если конечно можно назвать улицей полоску утоптанной почвы между жилых башен... Ренган не стал вертеть головой, высматривая знакомых, он сдержанно кивал в ответ на осторожные приветствия немногочисленных женщин и подростков, которые останавливаются при его приближении и с легким удивлением разглядывают непривычный покрой заморской одежды, огромный двуручный меч за плечами, перо на шляпе, пожитки, притороченные к седлу, да и белого жеребца – слишком крупного, невиданной в здешних краях породы.

Сидящая у входа в башню старуха узнала его и каркнула:

– Здравствуй, молодой Ренган!

Спокойно, бесстрастно, холодно, будто уехал он на прошлой неделе навеститься в соседний поселок, а не девять лет назад отправился за море. Люди на севере холодны, как камни, среди которых живут.

– Здравствуй, матушка! А где мужчины Ар-Араха?

– Все на площади, молодой Ренган. Делят подарки из города.

Подарки? Из города? С горожанами из низин у Ар-Арахов не бывало прежде большой дружбы. Неужто и в горах случаются перемены? Ренган кивнул старой женщине, и белый конь зашагал к площади.

Мужчины Ар-Араха в самом деле толпились вокруг расстеленных посреди площади шкур. На шкурах колючей грудой громоздилось оружие и доспехи – мечи, секиры, кинжалы,

шлемы и легкие нагрудники – те, что в ходу у горцев. Ренган потянул повод и белый жеребец остановился. Минуту воин сверху вниз глядел на земляков – ровно столько, сколько позволяли приличия. Затем, придерживая неуклюжий меч, спрыгнул на землю и произнес:

– Приветствую Ар-Аррахов.

Мужчины клана отозвались неровным хором, из толпы выступил вождь Ар-Аррахов, Анорис. Медленно оглядел пришельца с головы до ног и заявил:

– Ты вернулся, Ренган. Говорят, ты воевал за деньги. Хорошая ли это жизнь для горца?

Прибывший слегка пожал плечами:

– Нескучная жизнь. Я жил и сражался, чтобы получать деньги. Я получал деньги, чтобы жить и сражаться.

Воцарилась тишина. Ар-Аррахи ждали, как вождь примет дерзкий ответ. Белый конь переступил копытами и тихо фыркнул. Наконец Анорис расхохотался:

– Хорошо! Нескучная жизнь – как раз то, что нужно мужчине. Но теперь и у нас будет веселье. Нижние прислали оружие. Подарок. Теперь мы устроим набег на Ар-Шоратов и это будет весело!

– Ар-Шораты могут выставить по пять бойцов против двух наших, – заметил Ренган, – или что-то изменилось в горах?

– Нет, молодой Ренган, в горах все по-прежнему. Но теперь у нас есть много оружия и у нас есть ты. Ха!

Вслед за вождем расхохотались и прочие. Смех раскатился по толпе, но почти сразу смолк – мужчины прекращали смеяться, едва взглянув в прищуренные глаза пришельца. Он выглядел так, словно слова Анориса были не насмешкой, а в самом деле – бесхитростной похвалой.

– Это верно, – спокойно ответил наемник, – у Ар-Аррахов есть я. Но с чего бы городские из низины стали так щедры? Или что-то изменилось в горах?

– Нет, молодой Ренган, в горах все по-прежнему, – вождь нахмурился. – И подарок подозрителен мне. Эти, из низины, они говорят, Оракул дал им совет. Велел подарок прислать. Если ты хочешь, мы тоже спросим Оракула, стоит ли устраивать набег на Ар-Шоратов.

Анорис сделал ударение на слове «ты», ему-то, вождю, не следует сомневаться – хотя наверняка и без ренганова вопроса вождь хотел отправиться за советом в святилище Лодор. И горцы, и «нижние» – все прибегали к совету Оракула, если встречались с затруднением. Советы, полученные в Лодоре, не всегда можно было понять, случалось, Оракул говорил вовсе не о том, о чем его спрашивали... но неизменно говорил мудро. Ренган вспомнил, как впервые попал в святилище, вспомнил массивные ворота, закованных в латы стражей огромного роста... или это только ему, подростку, они показались великанами?... Жрец в строгом одеянии впустил горцев клана Ар-Аррах в храм и велел ждать... Затем их провели в святая святых – к древнему идолу, а самый старый жрец стоял рядом со статуей, сжимая ритуальный обсидиановый нож...

Из задумчивости Ренгана вывел вопрос молодого Ар-Арраха невысокого роста.

– А этой штукой можно сражаться? – юнец указал на здоровенный меч Ренгана. – Твоя железяка почти в рост человека, как ею размахнуться?

– В рост человека? – спокойно повторил Ренган. – Ты судишь по своему росту, родич. А я сражался этим оружием и получал плату вдвое большую, чем простой солдат – как раз за то, что умею размахнуться «этой штукой».

Коротышка покраснел, осознав насмешку, и отступил за спины земляков.

– Хорошо, что ты приехал, Ренган, – заявил вождь. – Нынче будет пир по случаю твоего возвращения, расскажешь, как сражался за морем... а завтра с рассветом отправимся в Лодор...

В пути горцы молчали, уныло кивая в такт поступи небольших мохнатых лошадок – после вчерашней попойки тянуло в сон. Анорис старательно расправлял плечи и задира л нос – но все равно Ренган, сидящий на огромном коне, возвышался над вождем, и тот избегал глядеть снизу вверх на вновь обретенного родича. Только перед самым храмом Анорис заговорил нарочито громко и самоуверенно. Ренган понимал, почему – вождю было важно показать, что близость святилища ничуть не волнует его, не заставит прервать даже самый пустячный разговор. Безразличным тоном он стал расспрашивать Ренгана о боевых приемах, что в ходу у «нижних» за морем, о походах и этих... как их? Турнирах! Да, о турнирах... Ренган, подыгрывая, ровным голосом повествовал, как сражаются за морем, рассказывал о страшных атаках латной кавалерии, когда трясется земля от ударов сотен копыт, о плотных боевых порядках пехотинцев, об их длинных копьях, вдвое длинней рыцарских пик. О том, что первый ряд пеших обычно пригибается и упирает копьё в землю, а второй ряд кладет древки на плечи товарищам в переднем ряду – и эти, вторые, копьё столь тяжелы, что держат их двое... О том, что кавалерии не под силу взломать подобный строй и преодолеть оборону копейщиков могут только лишь пехотинцы, построенные так же плотно и вооруженные такими же длинными копьями... А впереди выступают бойцы с двуручными мечами, они распихивают или обрубают наконечники длинных пик, прогрызая неприятельский строй... Потом боевые порядки копейщиков раскрываются словно почки по весне, выплескивая из глубины строя меченосцев – и тогда он, Ренган, бросал свой двуручник и дрался простым мечом в рукопашной... Потом по телам своих и чужих галопом проходили рыцари, втапывая в кровавую грязь тех, кто не успел убраться с дороги кавалерии...

Вот оно – святилище Лодор. Теперь Ренган рассматривает мрачный дом Оракула другими глазами, нежели девять лет назад – теперь он не сопливый мальчишка, а воин. Его не поражают высокие серые стены с зубцами и приземистые башни, он привычно прикидывает, как бы организовать приступ, доведись штурмовать Лодор. Вон там часть кладки выкрошилась... а лестницы удобней приставлять здесь, где стены пониже...

Дорога некоторое время шла под стеной, затем свернула к воротам. Анорис, а за ним другие Ар-Арахи спешили. Вождь подошел к узкой двери в левой створке и постучал. Отворилось оконце.

– Кто ты и с чем пришел в дом Сведущего?

– Анорис Ар-Арах и мужчины клана. Нам нужно спросить Оракула о важном.

Окошко со стуком захлопнулось. Анорис отступил на шаг, другие тоже посторонились. Через несколько минут дверь отворилась, и горцы по одному двинулись в святилище. Стражи, стерегущие вход, в самом деле оказались гигантами – Ренган, всегда считавший себя крупным мужчиной, едва доставал макушкой до закованной в полированную сталь груди. Любое движение стражей сопровождалось скрежетом и лязгом – больше всего они походили на ожившие статуи, огромные и бесчувственные. У ворот их было четверо, вооруженных гигантскими секирами и палицами. Горцы прошли мимо грозных воинов к входу в серое строение – преддверие святилища. Стражи глядели поверх их голов, и Ар-Арахи избегали заглядывать в темные щели прорезей в шлемах. У дверей поджидал седобородый жрец.

– Следуйте за мной, воины Ар-Арах, – объявил старик, – Оракул примет вас.

Далее был путь по узким пыльным коридорам, едва-едва освещенным тусклым огнем свечей из скверного жира. Коридоры тянулись и тянулись – повороты, боковые ответвления, низкие арки, где нужно нагнуться. Ренгану приходилось то и дело придерживать меч, чтобы не царапать стены... Ни один проход не был прямым, стоя в начале любого, невозможно оказывалось разглядеть выход. Наконец, после четверти часа блужданий в полумраке, Ар-Арахи достигли небольшого квадратного зала с грубыми скамьями и единственным узким

оконцем, прорезавшим стену на высоте, превышающей рост самого крупного из стражей храма.

– Отдайте ваши дары и ждите, – велел жрец.

Принял подношения – мешочек монет, курицу, ягненка – и удалился. Ар-Аррахи не стали садиться на скамьи, остались стоять.

– Так что там, насчет турниров? – громко обратился Анорис к наемнику.

Вождь старательно изображал равнодушие. Ренган принялся неторопливо рассказывать, как после особенно кровопролитного боя у замка Летерен в Авгейе он был посвящен в оруженосцы и получил право выходить на ристалище.

– На коне? У тебя ведь настоящий рыцарский конь? Этот, белый, большой, – понимающе бросил вождь.

Солдат, пряча ухмылку, объяснил, что его жеребец – не боевой конь, те еще крупнее, а он, Ренган, так и не научился сражаться на копьях, потому и не рисковал биться в конных поединках. Пешим же сражался дважды, даже получил малый приз в Рнентонне на знаменитом турнире, устроенном в честь замужества принцессы Амелии... Он не успел объяснить, что его белый жеребец – всего лишь походная лошадь, рассказ был прерван ударом гонга. Прежний седой жрец возник на пороге и объявил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.